

Дмитрий Луговой

Охота

Дмитрий Луговой

Охота

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22144005

ISBN 9785448348068

Аннотация

Повествование ведётся сразу по нескольким сюжетным линиям, вначале никак не пересекающимся друг с другом; лихо закрученный сюжет с интересными поворотами читается на одном дыхании.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	17
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Охота

Дмитрий Луговой

© Дмитрий Луговой, 2016

ISBN 978-5-4483-4806-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Флоран забрал паспорта и билеты и, отойдя от стойки регистрации, подошел к ожидавшим его жене и дочке.

– До нашего рейса еще два часа! – объявил мужчина, убирая документы во внутренний карман пиджак. – Может, посидим в кафе? – спросил он.

– Хочу мороженого! – едва услышав слово «кафе», пролепетала трехлетняя Колеетт и требовательно дернула маму за руку.

– О Боже, Флоран, ты ее совершенно избаловал! – закатила глаза Валери. – Никакого мороженого! – взглянув на дочь, заявила женщина. – Только два пирожка с вареньем! – тут же добавила она, заметив в огромных, как блюдца, голубых глазах Колеетт слезы.

Девочка моргнула, смахивая слезы, и кивнула матери, принимая условия сделки.

– А говоришь, что это я ее избаловал! – усмехнулся Флоран, беря жену под руку.

– Просто она вся в отца! – парировала Валери. – Еще говорить толком не научилась, а торгуется лучше старого лавочника на восточном базаре!

Оба родителя громко рассмеялись, а их дочь, уже успевшая отбежать от них на пару шагов, подхватила смех, даже не зная его причины.

Втроем счастливая семья зашла в расположенное в здании аэропорта кафе. К ним тут же подскочила молоденькая официантка, и Флоран заказал два пирожка с вареньем и маленький пакет яблоневого сока для Колетт, минеральную воду без газа для Валери и, наконец, стакан виски со льдом для себя.

Девушка приняла заказ и удалилась, соблазнительно виляя попкой. Флоран, засмотревшийся на перекатывающиеся под тонкой тканью упругие ягодицы, тут же получил весьма чувствительный удар под коленку и изумленно взглянул на свою супругу.

– Еще раз увижу, как ты пялишься на ее задницу, и я тебя глаза повыцарапываю! – наклонившись к его уху, прошептала Валери.

– И вовсе я никуда не пялился! – возразил мужчина, потирая ушибленное колено.

– Ну да, как же! – громко фыркнула Валери и демонстративно отвернулась в сторону.

Через пару минут та же официантка принесла им их заказ и ушла обслуживать других клиентов. Флоран, все это время смотревший на белоснежную поверхность их столика, дабы не спровоцировать семейный скандал, наконец, осмелился поднять глаза и заметил улыбку на лице жены.

– Ладно, можешь облизываться на ее попку. Да и на любую другую тоже! – разрешила мужу Валери. – При условии, что трогать будешь только одну!

– Это чью же? – притворился непонимающим Флоран, за что получил еще один удар по колену, правда, совсем несильный.

– Мою, конечно же! – прошипела Валери, а после игриво подмигнула супругу.

Пока родители притворно препирались, Колетт успела быстренько умять два немаленьких пирожка, опустошить пакет с соком, и теперь бегала по залу, периодически останавливаясь перед каким-нибудь столиком и глядя на сидевших за ним своим ангельским взором.

– Кажется, она не только из нас веревки вьет! – улыбнулся Флоран, заметив, как пожилая женщина через три столика от их отламывает кусок шоколадки и протягивает его молча уставившейся на нее девочке.

– Нет, это уже ни в какие ворота не лезет! – всплеснула руками Валери, повернувшись в ту же сторону. – Ладно, мы ее родители, но выпрашивать подарки у незнакомцев никуда не годится!

Женщина решительно встала со стула, намереваясь строго отчитать дочь. Флоран, прекрасно знавший, что в такую минуту лучше не попадаться супруге под руку, произнес ей в спину:

– Я в туалет! – и почти бегом покинул кафе.

Громовой голос Валери, принявшей читать Колетт нотацию (а может, и не только Колетт – если супругу Флорана разозлить, она была готова порвать любого, кто посмеет воз-

разить ей) донесся до ее мужа, когда он уже подходил к туалету.

«Надеюсь, она не разнесет аэропорт», – подумал Флоран, открывая дверь и входя в туалет.

Подойдя к писсуару, мужчина расстегнул ширинку и направил струю в приемное устройство.

Позади него хлопнула дверь. Флоран увидел в зеркале, висевшим перед ним, высокого мужчину в черной футболке, черных джинсах и с черным чемоданом, который он нес в левой руке. Мужчина зашел в кабинку и закрыл за собой дверь.

Через несколько секунд Флоран стряхнул последние капли в писсуар, застегнул ширинку и повернулся к раковине, находившейся сбоку от него.

Перед раковиной тоже было зеркало. Поэтому Флоран увидел, как дверь кабинки открылась, и мужчина в черном вышел из неё, сжимая в руке пистолет.

Флоран открыл рот, чтобы закричать, но пуля уже вылетела из черного дула, и через считанные доли мгновения оборвала жизнь главы счастливого семейства.

Валери обеспокоенно посмотрела на часы. Флоран отсутствовал уже двадцать минут, и женщина начала беспокоиться. Возможно, у ее мужа «всего лишь» возникли проблемы с желудком, но что-то ей подсказывало, что все гораздо се-

рьезнее.

Валери посмотрела на сидевшую на соседнем стуле с заплаканными глазами Колетт, затем вновь взглянула на часы, нервно забарабанила пальцами по столешнице и, наконец, решила.

Она встала со своего места и подошла к той самой пожилой даме, с которой несколько минут назад громко ругалась, привлекая внимание остальных посетителей кафе.

– Прошу прощения за резкость! – первым делом извинилась Валери. – Мне не следовало разговаривать с вами в таком тоне!

– Разумеется, не следовало! – согласилась с ней дама, складывая газету, которую читала, и глядя на собеседницу поверх своих прямоугольных очков. – Но я на вас не в обиде. Пожалуй, вы правы, маленькому ребенку не следует заговаривать с незнакомцами!

– Да, это так! – кивнула Валери. – Но сейчас я вынуждена нарушить свои собственные принципы и попросить вас пару минут присмотреть за моей дочерью. Вы не против?

– Нет, не против, – ответила дама. – Но вы можете назвать причину, по которой оставляете дочь под присмотром неизвестной вам леди?

Валери огляделась по сторонам и присела рядом с дамой. Наклонившись к ней, Валери прошептала:

– Мой муж пропал. Нет, нет, ничего серьезного! – поспешила заверить она свою собеседницу. – Наверное, он просто

заблудился. Откровенно говоря, он – полный топографический идиот. Я поищу его пару минут и вскоре приведу его обратно. Надеюсь, я могу рассчитывать на вашу помощь?

– Ну, разумеется! – кивнула пожилая женщина. – Я с радостью посижу с вашей дочерью!

– Спасибо огромное! – облегченно выдохнула Валери и обернулась назад. – Колетт, иди сюда! – девочка зыркнула на мать обиженными глазами и демонстративно отвернулась от нее. – Если посидишь рядом с этой леди, то получишь столько мороженого, сколько сможешь унести в своих руках!

Этот ход Валери возымел свое действие: Колетт спустилась со своего стула на пол и подбежала к матери.

– Хочу сейчас! – заявила маленькая вымогательница, задрав голову вверх.

– Хорошо! – кивнула Валери и повернулась к женщине. – Закажите ей ванильного! – попросила она и положила на стол пару купюр. – А ты, маленькая принцесса, пообещай, что будешь вести себя смирно и никуда не убежишь от этой леди! – присев на корточки, обратилась Валери к дочери.

Колетт кивнула, и мать помогла ей забраться на стул. Затем она еще раз поблагодарила пожилую даму за оказанную помощь и торопливым шагом направилась в сторону мужского туалета.

Остановившись у двери в уборную, Валери несколько секунд нерешительно топталась возле нее, но тревожное ощущение не покидало женщину, и она, дождавшись момен-

та, когда никто не будет смотреть в ее сторону, приоткрыла дверь и шмыгнула в образовавшуюся щель.

Возле писсуаров Флорана не было. Как впрочем, и кого-либо другого. Конечно, это могло быть простой случайностью, но тревога, охватившая Валери, усилилась.

– Флоран! – тихо позвала мужа женщина, приседая на корточки и заглядывая под двери кабинок.

Мужчина не отозвался, но под одной из кабинок Валери заметила знакомые туфли.

Женщина тихо вытащила нож, прятанный до этого в миниатюрных ножнах, закрепленных у лодыжки, и шагнула к кабинке. Ее пальцы легли на холодную металлическую ручку и дернули ее вниз, распахивая дверцу.

– Медленно зайди в кабину и запри за собой дверь! – обратился к женщине мужчина в черном, подкрепляя свои слова весомым аргументом в виде пистолета, направленного точно в лоб Валери.

Валери скосила глаза на бачок унитаза, на который было посажено тело ее мужа, втянула воздух гневно расширившимися ноздрями и шагнула вперед, одновременно закрывая за собой дверь.

Не спуская с убийцы глаз, Валери свободной рукой подвинула щеколду, отгораживая их от внешнего мира, затем разжала ладонь, сжимавшую рукоять ножа, и отпихнула упавшее на пол оружие ногой, загоняя его в другую кабинку.

– Ты по-прежнему понимаешь меня без слов! – криво

усмехнулся мужчина в черном.

– Зачем этот спектакль, Охотник? – стараясь не дать klo-
кочущей внутри ярости вырваться наружу, задала вопрос
женщина. – Ты пришел, чтобы убить меня, так делай, что
должен, и обойдемся без лишних слов!

– Полагаю, что в нынешней ситуации условия диктовать
буду я, а мне угодно немного поболтать! – продолжал улы-
баться в ответ мужчина. – И для начала я хочу предложить
тебе сделку: ты выполнишь то, что должна была сделать три
года назад, – и я сохраню тебе твою жизнь!

– Да пошел ты! – сплюнула себе под ноги Валери.

Ее мозг, подстегиваемый яростью и жаждой мщения,
лихорадочно просчитывал возможные варианты действий.
Будь на месте ее собеседника какой угодно другой человек,
женщина рискнула бы и бросилась в рукопашную, но Охот-
ник... Охотник всегда был лучшим, а она уже три года
не тренировалась.

– Я ждал такого ответа! – стирая улыбку со своего лица,
кивнул мужчина. – Что ж, ты не оставила мне другого выхо-
да. Раздевайся!

Валери на секунду вспыхнула, возмущенная этим тре-
бованием, но спорить не стала. В конце концов, это еще
несколько секунд жизни, а иногда именно пара мгновений
решает жить тебе или умереть.

Валери сняла с себя свитер и бюстгальтер, бросила их
на тело мужа, затем расстегнула джинсы и медленно стянула

их с себя, оставшись в одних трусиках.

Охотник внимательно наблюдал за женщиной, но его внимание не ослабло ни на долю процента, и Валери, рассчитывавшая на это, разочарованно выдохнула и избавилась от последней детали своего туалета.

– Отлично! – усмехнулся Охотник, а затем неожиданно убрал палец со спускового крючка и спрятал пистолет обратно в кобуру на поясе.

Пока Валери пыталась распознать, в чем смысл этой уловки, мужчина шагнул к ней и провел руками по ее каштановым волосам, волнами спускавшимся на плечи.

– Мне больше нравилось, когда ты заплетала их в два хвоста! – признался Охотник, глядя в глаза Валери. – Тогда ты становилась похожей на маленькую девочку, внушая окружающим ложное чувство безопасности.

Мужчина погладил ее по щеке, а Валери, впавшая в некоторый ступор из-за неожиданного поведения посланного за ней убийцы, даже не попыталась отстраниться.

– Впрочем, маленькой ты казалась только лицом, – продолжал говорить Охотник. – Все остальное уже тогда было при тебе. – Он провел рукой по ее груди, и женщина почувствовала, как стремительно твердеют ее соски. – Чувствую, ты до сих пор помнишь, как нам было хорошо вместе, – улыбнулся мужчина.

– Эти воспоминания не вызывают у меня ничего, кроме сожаления о потерянных годах моей жизни! – с вызовом от-

ветила Валери, хоть и не совсем искренне.

Ее рука стремительно скользнула к застегнутой кобуре, пальцы уже почувствовали холодный металл рукояти, когда их сверху придавила могучая ладонь Охотника.

– А знаешь, о чем жалею я? – прошипел мужчина под хруст пальцев Валери. – Что ребенок, которого ты носишь под сердцем, не от меня!

Женщина, уже готовившаяся расстаться с жизнью после неудачной попытки расправиться с убийцей своего мужа, оказалась настолько поражена этим заявлением, что даже не заметила, когда Охотник успел отпустить ее пальцы.

– Откуда..? Откуда ты знаешь? – спустя, наверное, целую минуту прошептала Валери.

Мужчина, все это время гладивший ее живот и легкими касаниями губ дотрагивавшийся до ее груди, ответил так же тихо:

– Я прожил достаточно, чтобы понять: любовь может дать ответы на все вопросы!

Он отступил назад, отстраняясь от Валери, и снял футболку, оголяя могучий торс – предмет зависти для любого мужчины.

Но не обнаженные мышцы, перекатывавшиеся под кожей, едва тронутой загаром, поразили Валери. Их она видела, и не раз, когда была чуть моложе.

А вот татуировка на сердце Охотника, изображавшая темноволосую девушку в обтягивающих штанах и топе,

с небольшими игривыми рожками на голове и змеящимся хвостом позади, явно появилась недавно.

– Ты, правда, до сих пор меня любишь? – не отрываясь от нанесенного на кожу рисунка, прошептала Валери.

Вместо ответа мужчина опустил руку в задний карман джинсов, извлек из него небольшой пакет желтого цвета и протянул его женщине.

– Что в нем? – беря пакет в левую руку, спросила Валери.

– Две банковские карты, пароли к ним и паспорта для тебя и девочки, – ответил Охотник. – Что с этим делать, ты знаешь. И постарайся на этот раз спрятаться получше!

Валери перевела взгляд с собеседника на тело мужа, затем на конверт, и пазл в ее голове сложился в единую картину.

– Значит, Флоран...

– Чтобы вы жили, он должен был умереть, – закончил за нее Охотник. – Надеюсь, будь у него выбор, он бы сделал то же самое!

Он шагнул к двери и сдвинул щеколду, отпирая засов, но был остановлен Валери, схватившей его за руку и развернувшей лицом к себе.

– Наверное, я должна тебя проклинать за смерть мужа, – произнесла женщина, глядя убийце прямо в глаза. – Но я знаю, как ты рискуешь, спасая меня и Колетт, так что: спасибо!

Охотник дернул уголком рта, то ли принимая благодарность, то ли выражая сомнения в искренности Валери.

– Я, правда, тебе благодарна, – вновь заговорила женщина, но была прервана прижатым к ее губам пальцем.

– Ты отблагодаришь меня, если исполнишь две мои просьбы, – произнес Охотник. – Во-первых, будешь относиться к дочери так же, как к родному сыну. А во-вторых, я смею надеяться, что когда-нибудь увижу на твоём теле татуировку, изображающую меня.

Затем мужчина на краткий миг коснулся губами губ Валери, вновь напомнив женщине о той страсти, что связывала их когда-то, и вышел, закрыв за собой дверь кабинки.

На какой-то краткий миг Валери захотелось рвануть за ним, и даже отсутствие одежды не помешало бы ей кинуться ему на шею и на глазах изумленной публики целовать его так долго, как только можно.

Но затем женщина вспомнила причину, по которой она прервала их роман, тяжело вздохнула и стала одеваться.

Глава 1

Интерактивная доска, по которой проплывали списки зачисленных на первый курс Академии Космолетчиков, оказалась окружена тесным кольцом молодых людей и девушек, стремившихся узнать свой результат.

– Ну и как туда протиснуться? – всплеснула руками Катя, оглядывая возбужденную толпу.

До драки, конечно, дело не доходило, но сгоравшие от нетерпения ребята и девчонки активно работали локтями, пробивая себе дорогу к пульту, с помощью которого можно было узнать о полученных тобой баллах.

– Я же говорила, что очередь надо было занимать еще вчера вечером! – хмыкнула Жизель и цокнула каблуком.

– Не дрейфь, сейчас что-нибудь придумаем! – хлопнул ее по плечу Михаэль и направился в толпу.

– Не думаю, что твоя шутка про марсианского таракана на этот раз сработает! – крикнул ему в спину Пол.

Вся компания дружно улыбнулась, вспоминая выходку Михаэля в аэроэкспрессе Лондон-Берлин пару месяцев назад. Правда, тогда никому из них смеяться не хотелось, так как шутка Михаэля обернулась для всей компании пятичасовым заключением в камере, а затем строгим выговором от деканата и недельей общественных работ.

– Я никогда не повторяю одну и ту же шутку дважды! –

ответил Полу Михаэль.

Катя, Жизель и Пол с любопытством и нетерпением смотрели на то, как их приятель подходит к толпе, которая и не думала уменьшаться, и ждали чего-то ошеломляющего, может быть, даже немного безумного.

Но Михаэль нашел менее экстравагантный, но не менее надежный способ и удивить друзей, и раздобыть результаты их тестов.

– Эй, народ! – громко крикнул он, обращаясь к другим соискателям. – Я заплачу тысячу кредитов тому, кто принесет мне результаты Екатерины Бирюлевой, Жизель Клеман, Михаэля Дифенбаха и Пола Гилберта!

Толпа, до этого оглушительно галдевшая и сражавшаяся за место в очереди, как один человек повернулась к Михаэлю и изумленно уставилась на него. В повисшей над холлом Академии тишине можно было с легкостью различить голос преподавателя, читавшего лекцию на втором этаже, или звук работающего мотора аэрокара, летевшего неподалеку от здания.

– Чего застыли? – Михаэль ухмылялся во все свои тридцать два зуба. – Вперед!

Все как будто только этой команды и ждали: тысяча кредитов составляли годовую стипендию студента престижной школы или средней руки вуза, так что толпа сразу же рванула к терминалу.

Михаэль же подошел к ожидавшим его друзьям и,

не скрывая довольной ухмылки, спросил:

– Ну и как вам моя новая шутка?

– Супер! – ответил за всех Пол. – Особенно мне в ней понравилась та часть, где ты говорил о тысяче кредитов. Если не секрет, где ты возьмешь такую сумму?

– Как где? – округлил свои глаза Михаэль. – Ты отдашь их мне за то, что я быстро и безо всяких проблем достал наши результаты!

– Вывернулся, чертяка! – покачал головой Пол под дружный смех Кати и Жизель.

Впрочем, смеялись друзья недолго. Уже через секунду перед ними возник невысокий паренек азиатской внешности с четырьмя листками бумаги в руках. Рукав его рубашки был порван, волосы растрепаны, а над губой кровоточила ссадина, но его лицо озаряла улыбка.

– Где моя тысяча кредитов? – обвел паренек взглядом компанию друзей.

Михаэль вопросительно посмотрел на Пола. Тот обреченно вздохнул и поднял свою правую руку, на которую был надет коммуникатор. Паренек, принесший листы, поднес свой коммуникатор к устройству Пола, дождался, когда после пары манипуляций с клавишами его счет пополнится на тысячу кредитов, всучил бумаги Кате и быстро убежал.

Катя раздала результаты тестов друзьям, и на какое-то время вся компания углубилась в их изучение.

На бумаге были отражены баллы, набранные соискателем

по каждому из предметов, место, которое он занял среди всех остальных участников по данному курсу, иногда рекомендации преподавателя, а уже в самом низу подводился общий балл и раскрывался вопрос, достаточно ли успешен кандидат, чтобы быть принятым в Академию.

По мере изучения бумаги Катино лицо светилось все сильнее. Она, конечно, была отличницей в школе, да и физическая подготовка позволяла ей побеждать на городских и окружных соревнованиях по плаванию, но такого результата девушка от себя не ожидала.

Ни по одному из предметов ее балл не опустился ниже девяноста, по всем курсам она входила минимум в пятерку лидеров, а ее средний балл был девяносто шесть и семьдесят четыре сотые, что позволило девушке стать второй в общем списке поступавших.

– Ну как? – Михаэль, уже изучивший свои баллы, заглянул Кате через плечо и тут же громко выдохнул: – Вторая в списке! Стипендия имени Джошуа Денниса! Ну ты даешь, подруга!

Пол и Жизель, привлеченные словами Михаэль, подошли к подруге и тоже заглянули в ее бланк.

– Невероятно! – прошептала Жизель.

– Я так и думал, что ты будешь одной из лучших! – пробормотал Пол, хотя и он явно был поражен столь высоким результатом.

Во взглядах друзей Катя почувствовала не только восхи-

щение, но и легкую зависть, что было, в принципе, объяснимо. Во-первых, высокая стипендия позволит ей ни в чем не нуждаться, в то время как большинство ее сокурсников будут вынуждены искать подработку, чтобы прокормить себя. Говорят, что половина первокурсников вылетает из Академии, так как им не удается совместить работу и учебу.

Во-вторых, не следует забывать о том, что в соответствии с указом Федерального Парламента весь учебный процесс, начиная с младших классов, идет непрерывно, и заработанные на каждом этапе баллы суммируются, что, в конечном счете, влияет на будущую карьеру.

Катя, превосходно учившаяся в школе, уже сейчас входила в элиту лондонской учащейся молодежи и, если не случится ничего непредвиденного, могла рассчитывать на должность второго пилота на шаттле, выполняющем коммерческие рейсы по маршруту Земля – Эдем.

Это позволит девушке вытащить семью из той нищеты, в которой она, как и миллиарды других людей, прозябает. Чего нельзя сказать о менее прилежных и способных товарищах Кати.

– А у вас какие баллы? – постаралась увести разговор от себя Катя.

– Девяносто и три десятых, – ответил первым Пол. – Восемнадцатый в общем списке.

– Неплохо, – отозвался Михаэль. – Хотя ты мог бы по поводу результата и не переживать!

Пол скривился, словно проглотил что-то очень горькое, но развивать эту тему не стал. В их компании он был белой вороной, так как являлся сыном богатых родителей, что автоматически гарантировало ему хорошее будущее. Он и поступал-то в Академию только по той причине, что у прошедших военную службу (а космолетчики были приравнены к этой категории граждан) были выше шансы на блестящую политическую карьеру.

– А у тебя какой результат? – посмотрела на Михаэля Катя.

– Восемьдесят четыре и три сотых, – не очень весело ответил ей парень. – Сто сорок шестой в списке, – после небольшой паузы добавил он.

– Вот черт! – выругался Пол и сочувствующе похлопал друга по плечу.

На первый курс Академии принимали семьсот двадцать семь человек. Почему именно такое количество, никто точно не знал. Ходили слухи, что в части под таким номером служил основатель Академии, генерал Джозеф Гаррет, и к концу Третьей Мировой из пяти тысяч парней, начинавших служить в ней, осталось только сто сорок пять. И именно столько первокурсников могли рассчитывать на стипендию, хоть как-то позволявшую свести концы с концами.

– Да ладно, выкручусь как-нибудь! – произнес Михаэль, пытаясь скрыть досаду. – А ты как, Жизель?

– Семьдесят два и три десятых, – ответила девушка. –

Шестьсот девяносто четвертая в общем списке. Можно сказать, повезло! – криво усмехнулась она.

Последние двадцать семь человек из числа поступивших оказывались в так называемом «грязном» классе, что означало обязанность в течение первых двух лет драить все туалеты в общежитии Академии. Не самое приятное занятие, но все же лучше, чем вовсе не поступить и пойти рабочим на один из заводов «Интернейшнл Корпорэйтед».

Вот только Жизель явно рассчитывала на более высокий результат. Ее отец умер десять лет назад, мать тяжело болела и при их уровне доходов фактически была обречена, а у девушки оставались еще два младших брата, которых как-то надо было ставить на ноги.

– Не расстраивайся, Жи! – ласково обратилась к подруге Катя. – Уверена, ты еще переведешься на стипендию. У тебя для этого есть все данные!

– Ну да, ну да! – покивала головой Жизель, а потом потрянула своими многочисленными косичками и улыбнулась: – Надеюсь, вы уже решили, куда мы пойдем праздновать?

Что всем нравилось в Жизеле, так это то, что она никогда не расстраивалась (или во всяком случае не показывала этого). Ее друзья улыбнулись в ответ, и Пол произнес:

– Сегодня гуляем на мои! – произнес он, отчего улыбки на лицах друзей стали еще шире. Они всегда праздновали на деньги Пола, благо он имел возможность не считать их. – Полагаю, что ресторан «Парадиз» нам подойдет?

– Сто процентов! – кивнул Михаэль. – Мы ведь каждый день там ужинаем!

Звонкий смех друзей, рожденный этой фразой, был прерван писком двух коммуникаторов. Катя и Пол опустили глаза на устройства, подавшие им сигнал, и одновременно с этим табло, на котором отображались результаты, вывело на экран изображение женщины в военной форме.

– Внимание! Внимание! – разнесся под сводами Академии механически обработанный голос. – Всем поступавшим, что набрали более девяносто баллов, необходимо подняться на второй уровень к кабинету номер двести три и ждать дальнейших указаний. Повторяю ..., – и женщина вновь зачитала свое обращение.

– Вас подождать? – посмотрел на приятелей Михаэль. – Мне спешить некуда!

– Я не могу! – тут же покачала головой Жизель. – Мне нужно домой. Встретимся у «Парадиза» часов в девять, идет? – ее друзья кивнули, и девушка махнула им рукой: – Тогда я побежала!

Цокая каблуками, она быстро дошла до поворота, оттуда еще раз махнула на прощание рукой и скрылась из поля зрения друзей.

– Так вас ждать или нет? – повторил свой вопрос Михаэль.

Пол кинул взгляд на лестницу, по которой уже поднимались первые группки высокобалльников, затем посмотрел на женщину, орлиным взглядом взирающую на них с экрана

монитора, и покачал головой.

– Пожалуй, не стоит! Черт его знает, насколько нас задержат!

– Ладно, тогда до девяти! – Михаэль пожал Полу руку, кивнул Кате и следом за Жизель направился к выходу.

Проводив друга взглядом, Катя и Пол посмотрели друг на друга, затем взяли за руки и направились к лестнице.

Всего им предстояло преодолеть триста две ступеньки, по центру которых в холл спускалась красная ковровая дорожка, словно заимствованная с какого-то кинофестиваля. Впрочем, ежегодная церемония, посвященная выпуску прошедших обучение студентов, привлекала внимание не меньше, чем любой фестиваль, а парни и девушки готовились к нему под присмотром тех же стилистов и модельеров, что готовили к выходу в свет и кинозвезд.

Но не только этим славилась эта высокая лестница. С ней была связана и еще одна традиция Академии. Не вернувшийся вовремя из увольнения курсант должен был за тридцать минут пять раз подняться и спуститься по этим ступенькам, иначе его ждали пять ударов плетью, после которых кожа слезала со спины, обнажая мышцы.

Кроме того, с этой лестницей было связано еще одно громкое событие. Именно на ней, а если быть точным, на девяносто шестой ступени, фанатиком из группы «Организация 11 сентября» был убит первый вице-президент Федерации Микаэль Самуэльссон.

Именно поэтому все поднимавшиеся по этой лестнице абитуриенты на краткий миг останавливались на девяносто шестой ступени и склоняли свои головы, чтя память великого героя и соратника генерала Денниса, выведшего человечество из пучины мировой войны.

Поднявшись по лестнице, Катя и Пол подошли к уже выстроившимся полукругом парням и девушкам и, втиснувшись в него, увидели ту самую женщину, что призывала их подняться сюда.

– Добро пожаловать в Академию! – дождавшись, когда еще двое студентов преодолеют лестницу, произнесла женщина. – Я – генерал Уилсон, но когда мы подружимся, вы сможете звать меня просто Арлин, – улыбнувшись, обвела она курсантов взглядом.

Кое-кто из студентов улыбнулся в ответ, но большинство сохранило напряженное выражение лица, решив, что это какая-то проверка.

– Вижу, что многие из вас думают, что Академия – это та же армия, только с другим названием, – заключила генерал. – Да, во многом наши структуры похожи, но все же в Академии все не так строго. Да, есть правила, которые необходимо соблюдать, но в вопросах взаимоотношений преподавателей и курсантов мы менее строги. Скоро вы поймете, что обращаться к преподавателю по имени не является у нас преступлением.

Генерал вновь обворожительно улыбнулась, и на этот раз

ей ответило большее количество студентов.

– А теперь перейдем к причине, по которой вас собрали здесь, – продолжила генерал Уилсон. – Все вы – надежда армии и флота, как военного, так и гражданского. Именно за вами будущее человечества, и мы не хотим, чтобы вы растратили свои таланты зря. Сейчас каждый из вас отправится на беседу с его будущим персональным куратором, по результатам которой и определится вектор вашего развития. Я буду называть ваше имя и номер кабинета, в который вам следует пройти. У кого-нибудь есть вопросы?

Будущие первокурсники переглянулись, но вопросы, если у кого-то они и были, так и остались неозвученными.

– Тогда начали! – произнесла генерал Уилсон. – Лусиану Сегейра! – сверившись со своим коммуникатором, назвала она первое имя. – Кабинет двести четыре!

Невысокий юноша с кудрявыми волосами, доходившими ему до плеч, отделился от их небольшой группы и отправился дальше по коридору.

– Хулия Перейра! Кабинет двести пять!

Коротко стриженная девушка с большим носом, вызывавшим смехи у некоторых парней, протиснулась мимо Кати и зашагала прочь.

Постепенно ряды высокобалльников редели. Пол отправился в кабинет номер двести десять, оставив Катю одну, и девушка, чувствуя себя в его присутствии спокойно, слегка занервничала.

Кто знает, зачем их вызывают? Катя вспомнила, как десять лет назад, когда она только-только пошла в школу, директор неожиданно подняла вопрос о ее отце. Кто он, почему не живет с семьей, чем занимается – на все эти вопросы должна была ответить мать девушки. Но она ограничилась лишь кратким: «Он умер от тройственной лихорадки» и попросила более не задавать этих вопросов, чтобы не травмировать психику ребенка.

Возможно, в том возрасте эта информация и травмировала бы Катю, но после она также неоднократно спрашивала мать об отце, а ответа так и не получила. И что ей говорить, если в Академии захотят более пристально ознакомиться с досье ее отца?

– Екатерина Бирюлева! – голос Уилсон прервал размышления девушки. – Кабинет двести двадцать!

Катя кивнула, машинально отметив, что помимо нее своей очереди оставались ждать лишь двое студентов, и отправилась искать указанный кабинет.

Как оказалось, для этого ей нужно было дойти до поворота и, свернув за угол, войти в первую дверь слева. Катя тихо постучала костяшками о косяк и, услышав разрешение, вошла в кабинет.

Внутри комнаты стояли пять парт, выстроенные в один ряд, а за столом, напрямую примыкавшим к первой из них, сидела привлекательная блондинка с забранными в хвост волосами и строгими прямоугольными очками, сползшими

на кончик ее носа.

– Екатерина Бирюлева? – вопросительно посмотрела на вошедшую девушку блондинка. Катя кивнула, и услышала в ответ: – Присаживайся!

Катя опустила на предложенный ей стул и посмотрела на блондинку внимательнее. Ее собеседница (или экзаменатор?) была красива, но красота эта была холодная. Плотные сжатые губы, колючий взгляд голубых глаз, каменное лицо, не отображавшее эмоций – пожалуй, будь Катя мужчиной, она бы не рискнула пригласить эту леди на свидание.

– Я – полковник Холли Смит! – представилась блондинка. – И по результатам нашей беседы я рекомендую тебе к тому или иному направлению. Ты не против, если я буду звать тебя Катей? – спросила полковник.

– Если вы позволите звать вас Холли! – неожиданно для самой себя выпалила Катя.

– Вот как? – хмыкнула полковник таким тоном, что у Кати душа ушла в пятки, и, сняв очки, положила их на стол перед собой. – Наглости тебе не занимать. Стой, сейчас говорю я, – прервала блондинка Катину попытку извиниться. – Это качество ценится у космонавтов, но запомни, всегда знай меру! – полковник откинулась на спинку своего стула и широко улыбнулась девушке.

Катя, уже успевшая попрощаться с Академией, облегченно выдохнула и улыбнулась в ответ.

– Расслабься и просто отвечай на мои вопросы, Катя! –

велела ей Смит. – Ни дерзость, ни грубость, ни что-либо еще уже не повлияют на факт твоего поступления. Единственное, на чем это скажется, – программа твоей подготовки. Так что не нервничай!

– Легко сказать, Холли! – откликнулась Катя. – От того, насколько я буду успешно трудиться, зависит будущее моей семьи!

– Как у всех! – пожала плечами полковник. – Думаешь, я происходила из знатной семьи, и мне не пришлось выгрызать себе место под солнцем? Пришлось, да еще как! Но это к делу не относится, – оборвала она сама себя и встала со стула.

Катя повернулась вслед за обошедшей ее Смит, но полковник легонько стукнула девушку по затылку и велела:

– Не оборачивайся! – Катя вернулась в исходное положение, и Холли продолжила: – Суть первого упражнения в следующем: ты закрываешь глаза, я произношу какое-то слово, а ты описываешь ассоциации, возникшие у тебя. Все понятно?

– Да! – кивнула Катя, закрывая глаза.

– Тогда начнем! – хлопнула в ладоши полковник. – Уединение!

Перед глазами Кати возник океан, лениво бьющийся волнами о берег из ослепительно белого песка, и ярко-красное солнце, медленно опускающееся за горизонт и окрашивающее все вокруг в розовые цвета.

– Я вижу солнце и океан! – начала описывать свои впечат-

ления девушка.

– Хорошо, продолжай! – подбодрила ее полковник.

– Легкий бриз...

Договорить Кате не дала внезапно скрипнувшая дверь и последовавший за этим возглас генерала Уилсона.

– Кто вы? Что происходит?

Катя распахнула глаза и увидела Уилсон, хватающуюся за вибробластер, висевший в кобуре у нее на поясе, а секунду спустя яркую, до рези в глазах, вспышку, которая отбросила одного из руководителей Академии обратно в коридор.

Катя резко обернулась, и в ту же секунду воздух в том месте, где мгновениям ранее находилась ее голова, сотрясся от прошедшего сквозь него разряда холодной плазмы. Девушка почувствовала, как с ее щеки сорвало кусочек кожи, и рухнула на пол, толкнув стоявшую сзади парту на полковника.

Острый угол стола воткнулся в бедро Смит, но женщина, чье лицо исказилось гримасой ярости, похоже, даже не обратила на это внимание. Оттолкнув парту от себя так, что та отлетела к окну, она схватила силившуюся подняться Катю за волосы, рывком поставила на ноги и тут же впечатала девушку лицом в столешницу.

Катя вскрикнула от боли, и из ее сломанного носа потоком хлынула кровь, заливая подбородок и норовя попасть в рот.

Внезапно мертвая хватка полковника ослабла, и Катя, пошатываясь, отскочила в сторону, размазывая хлещущую

из носа кровь по лицу.

Смит лежала на полу, тщетно пытаясь унять сведенные судорогой ноги, а в дверях в окровавленном парадном мундире застыла генерал Уилсон, лицо которой стремительно бледнело, приближаясь по цвету к мертвому телу.

– Где Смит? – прошептала она, и из уголка ее рта стекла капля крови.

Катя шагнула было к генералу, рассчитывая на ее защиту, но в этот момент Уилсон покачнулась, из-за ее спины показался мужчина с лицом, не внушавшим доверие, и Катя рванула к окну. Тело генерала еще не успело упасть на пол, а Катя, сопровождаемая брызгами стеклянных осколков, вылетела на улицу, рухнула на крышу предбанника, скатилась по ней и приземлилась на четвереньки рядом с подъездом.

Не обращая внимания на кровоточащие ссадины на коленях и ладонях, Катя вскочила на ноги, услышала грозный крик полковника:

– Чего застыли? Живо за ней! – и припустила со всех ног прочь от Академии, не разбирая дороги и не думая о том, куда бежит.

Девушка едва успела пробежать пару десятков метров, когда путь ей внезапно преградил автомобиль, появившийся совершенно беззвучно, словно из воздуха.

Катя отшатнулась, стремительно развернулась и бросилась в сторону, пытаясь уйти от преследователей, но тут же запнулась, пошатнулась и непременно бы упала, если бы ее

не подхватил Михаэль.

– Быстро в машину! – скомандовал он, бросая тревожный взгляд в сторону Академии, и потащил подругу к аэромобилю.

Оттуда навстречу парню выскочила стройная брюнетка в белой футболке и черных коротеньких шортах с нейроавтоматом наперевес, и вдвоем они затолкали Катю в машину. Брюнетка запрыгнула на заднее сиденье, рядом с Катей, Михаэль занял место рядом с водителем, бритоголовым качком, и отрывисто крикнул:

– Гони!

Аэромобиль мгновенно сорвался с места, оторвался от земли и, стремительно набирая высоту, помчался в небеса.

Валерия Бирюлева протянула сидящей напротив нее женщине квадратную упаковку с лекарствами и произнесла:

– Будете принимать три раза в день после еды в течение месяца. Если состояние не улучшится, придете еще раз.

– Спасибо вам, доктор! – женщина схватила Валерию за руку и, едва сдерживая слезы, принялась благодарить ее. – Вы – ангел! Не знаю, чтобы мы делали, если бы не вы...

Женщина разрыдалась, и ее шестилетняя дочь, до этого с неподдельным интересом изучавшая картинки в атласе жи-

вотного мира, испуганно посмотрела на мать.

– Успокойтесь, Ширли! – погладила женщину по плечу Валерия. – Уверена, все будет хорошо!

– Да-да, конечно! – беря себя в руки, откликнулась женщина.

Она достала из сумочки платок, вытерла им заплаканные глаза, а затем убрала обратно.

– Пойдем, зайчонок! – женщина встала со стула и протянула в сторону руку.

Ее дочь тут же отложила атлас в сторону, слезла с высокого кресла, в котором сидела, подскочила к матери и вложила свою ладонь в ее руку.

– Еще раз спасибо вам, доктор! – поблагодарила Валерию женщина, а затем они с девочкой вышли из кабинета.

Валерия откинулась на спинку своего кресла и устало потерла глаза. Возможно, выписанные ею витамины и помогут девочке, но вероятность этого ничтожно мала. Лихорадка Несбитта – заболевание неизлечимое, и лишь в одном случае из десяти тысяч пациент выздоравливал.

Впрочем, «выздоровление» в данном контексте не совсем верное слово. Полностью от лихорадки не излечивался никто. Просто кто-то отделялся меньшей платой, чем жизнь: слепотой, церебральным параличом, глухотой, язвами по всему телу, искривлениями позвоночника и другими нарушениями жизнедеятельности организма.

Никакой вакцины от лихорадки Несбитта не существо-

вало, но у некоторых людей по неизвестным науке причинам был к ней иммунитет. Большинство из них принадлежало к высшему обществу и обслуживавшему их персоналу, проживавшим на Марсе и Венере. Вероятно, именно в этом и крылась причина иммунитета, но достоверных исследований никто не проводил. Элите было наплевать на то, что происходит с низшими слоями общества, и единственное, что могли сделать Валерия и ее коллеги – это продлевать жизнь больных всеми доступными способами и не сообщать о них властям.

Именно за молчание и благодарила Валерию только что покинувшая кабинет женщина. В последнее время лихорадка перестала носить характер эпидемии, заболевание все реже передавалось воздушно-капельным путем, но в человеческой памяти еще были живы воспоминания о разразившейся полвека назад пандемии.

Тогда лихорадка Несбитта выкосила треть всего человечества, особенно свирепствуя в странах Африки, Ближнего Востока и Южной Америки. Тогда же были приняты действующие по сей день законодательные акты, по которым при обнаружении очага заболевания квартал, а то и целый город подлежал карантину и санобработке.

«Санобработка», – покачала головой Валерия, вспоминая скучные строчки отчетов.

«Санобработка» заключалась в том, что на территорию, находящуюся в карантине, вводились войска, имевшие

один-единственный приказ: уничтожить все возможные источники заразы. То есть, говоря проще, убить всех людей, кто хотя бы потенциально мог контактировать с зараженными.

Стук в дверь прервал размышления Валерии. Женщина открыла глаза, возвращаясь к реальности, и на повторный стук ответила:

– Войдите!

Дверь кабинета открылась, и на пороге появилась девочка лет четырнадцати-пятнадцати с копной волос, выкрашенных в кричащий ядовито-зеленый цвет, с тремя кольцами в правой брови, одним в носу и двумя в нижней губе, одетая в черную майку с ярко-красными принтами, напоминавшими брызги крови, и низко сидящие на талии джинсы, из-под которых виднелась полоска трусиков.

– Привет! – выдавила из себя Валерия, немного ошарашенная внешним видом новой пациентки.

Врач, конечно, и сама в молодости была той еще оторвой, но все же не старалась так сильно эпатировать окружающих. А уж в нынешние времена, когда девяносто процентов человечества пыталось хоть как-то выжить, никому бы из них и в голову не пришло вырядиться в пугало.

Разумеется, девушки, обретавшиеся в высшем обществе и на подступах к нему, могли себе позволить выглядеть столь экстравагантно, но они ни при каких обстоятельствах не появились бы в кабинете у Валерии.

– Как тебя зовут? И где твои родители? – стараясь заглянуть девочке за спину, спросила женщина.

Девчонка не то чихнула, не то фыркнула, прикрыла за собой дверь, пересекла кабинет и нахально уселась на стол доктора.

– Мой отец, мадам Бирюлева, зовет меня Маленькой Чертовкой! – произнесла девочка, снисходительно поглядывая на Валерию. – Он велел мне разыскать вас и продемонстрировать вам это!

Маленькая Чертовка закатала левый рукав своей футболки, и Валерия увидела на ее предплечье татуировку в виде молодой девушки с прелестными рожками и изящным хвостиком.

– Отец сказал, что если вы узнаете эту картинку, то покажите в ответ свою! – продолжила девочка. – А если нет . . . , – она провела кончиком языка по верхней губе. – Пожалуй, вам лучше этого не знать!

Валерия еще несколько секунд вглядывалась в татуировку, которую она, без сомнения, видела раньше, вспоминая обстоятельства, при которых это произошло, а затем положила левую ногу на стол и закатала штанину.

– Надеюсь, твой отец не полагал, что я нанесу ее в том же месте, что и он? – холодно осведомилась доктор, наблюдая за изучающей изображение мускулистого мужчины в набедренной повязке и с луком в руке девочкой.

– Он – нет! – подняв глаза на доктора, ответила Малень-

кая Чертовка. – А вот я ожидала от вас большего к нему уважение, учитывая все то, что он для вас сделал!

– Ты имеешь в виду то, что он спас жизнь мне и моим детям? Или то, скольких людей он убил, включая моего мужа? – убрав ногу со стола, ответила Валерия.

Неожиданно для женщины Маленькая Чертовка улыбнулась. Спрыгнув со стола, девочка откинула назад прядь волос, упавшую ей на лицо, и донельзя довольным тоном произнесла:

– Вы по-прежнему испытываете к нему влечение! А значит, я выиграла наше с ним пари!

– Влечение? – насмешливо переспросила Валерия. – Да это просто смешно!

Но Маленькая Чертовка ее уже не слушала. Она отскочила обратно к двери и приложила к ней свое левое ухо, в которое были вставлены шесть серебряных колечек.

Валерия собралась спросить девчонку, что она делает, но Маленькая Чертовка приложила палец к своим губам, призывая к молчанию, и, закрыв глаза, прислушалась к чему-то, доступному лишь ее уху.

– Они уже здесь! – через несколько секунд распахнула глаза девочка. – Надо уходить!

– Я никуда не уйду, пока не получу исчерпывающих объяснений! – покачала головой Валерия. – И если Охотник действительно твой отец, то ты знаешь, что ничто не заставит меня переменить свое решение.

Маленькая Чертовка склонила голову набок и вперилась в женщину немигающим взглядом. Валерия ответила девочке тем же.

– Ладно! – через считанные секунды кивнула девочка. – Хочешь объяснений – получай. Твоя дочь, которую ты взялась оберегать и защищать, втайне от тебя прошла вступительные испытания в Академию космолетчиков. Мне продолжать?

– Твою мать, Катя! – в сердцах выругалась Валерия.

Ничего больше Маленькой Чертовке говорить не надо было. Валерия, сама будучи врачом, прекрасно осознавала тот факт, что все будущие пилоты космических кораблей, сдавали свою кровь для анализа на возможные скрытые заболевания и получения из плазмы ДНК, которая может понадобиться в будущем для опознания фрагментов тела.

– Нас выследили, так? – вопросительно посмотрела на Маленькую Чертовку Валерия. – Сколько у нас времени?

– Десантный бот, замаскированный под прогулочную яхту, приземлился на крыше больницы четыре минуты назад. Принимая во внимание среднюю скорость выгрузки агентов и расстояние до вашего кабинета, у нас в запасе две-три минуты, – тут же произвела подсчет девочка. – Почему вы на меня так смотрите? – внезапно смутилась она.

Валерия провела рукой по лицу, стирая с него улыбку. Она внезапно вспомнила себя в молодости, вспомнила, как была счастлива, когда Охотник учил ее, молоденькую

девчонку, всему, что может понадобиться для выживания в его мире, вспомнила те замечательные мгновения, когда ее жизнь висела на волоске, а она лишь смеялась, глядя опасности в лицо. Как бы Валерия не желала иного, именно те годы были лучшими в ее жизни.

– Да, ты – истинная дочь своего отца! – вслух произнесла доктор. «Как жаль, что ты слишком поздно поймешь, что он растит из тебя чудовище», – подумала Валерия и спросила: – Как я могу тебя называть?

– Я люблю, когда меня называют Маленькой Чертовкой, – улыбнувшись, ответила девочка. – Но если вам это неудобно, зовите меня Антония. Или просто Энн.

– Окей, Энн! – кивнула Валерия. – И каков наш план?

Вместо ответа Энн залезла рукой в задний карман джинсов и извлекла из него небольшой параллелепипед синего цвета.

– Все агенты носят в ухе приемопередатчик, позволяющий им держать связь между собой, – в ответ на вопросительный взгляд Валерии пояснила девочка. – Этот прибор создал мой отец. Если нажать на эту кнопочку, – Энн погладила подушечкой пальца черный куб, вздымавшийся над остальной поверхностью устройства, – то все приемопередатчики начнут генерировать электромагнитные волны такой интенсивности, что все сосуды внутри мозга окажутся разрушены в течение пяти секунд. Есть лишь одна проблема: радиус действия не превышает пятнадцати метров. Так что

нам придется подпустить агентов практически вплотную.

Энн вновь прильнула ухом к двери, вслушиваясь в звуки, раздававшиеся снаружи, а Валерия вновь погрузилась в воспоминания.

Когда-то и ее Охотник учил вычленять из какофонии звуков те, что заслуживали внимания, и отбрасывать те, которые этого внимания не заслуживали.

«Помни», – говаривал он ей, – «изначально мир был погружен в абсолютную тишину. Звук родился потом. А, значит, любой звук является порождением тишины. Научись слышать ее, и ты научишься различать любые звуки и на любом расстоянии»

Валерия, как и многие другие, слышавшие эти слова Охотника, воспринимали их скептически. Но он легко мог посрамить любого скептика, так как легко различал звук бьющейся в стекло мухи за десять километров от нее.

«Как ты не сходишь с ума, слыша все эти звуки», – еще только начинаясь учиться, спросила Валерия у Охотника.

«Я слышу их, но не слушаю», – был дан короткий ответ.

– Внимание! – голос Энн вывел Валерию из размышлений. – Раз... два... три... Пошли!

Чертовка вдавила кнопку в прибор, и уши Валерии внезапно словно взорвались. Перед глазами у доктора потемнело, виски сдавило, словно голову зажали в тиски, по шее потекло что-то горячее.

– Быстро! – крик Энн мозг Валерии воспринял как шепот.

Женщина попыталась сделать шаг вперед, покачнувшись, но девочка успела схватить ее за запястье и потащила за собой.

Они вывалились в коридор, где Валерия с огромным трудом отогнала темноту от своих глаз. Едва ее зрение прояснилось, как взгляд выхватил лежащих на полу детей. Они визжали от боли, но Валерия лишь видела их рты, разеваемые в беззвучном для нее и для всех крике.

– Что ты сделала, Энн? – не слыша собственного голоса, выкрикнула Валерия.

Маленькая Чертовка обернулась, и доктор прочла у нее по губам:

– Простите, но если бы я сказала правду, вы бы не позволили мне это сделать!

В этот же миг Валерия почувствовала, как тысяча иголок вонзились в ее запястье, она вскрикнула больше от неожиданности, чем от боли, и сразу после этого свет для нее померк.

Эрнест Бирюлев вышел из здания школы и заозирался по сторонам. Наверное, для пятнадцатилетнего подростка было несколько странно дожидаться старшей сестры, которая проводила бы его до дома, но Эрнест боялся ходить один еще с тех пор, как в первом классе его избili его

одноклассники-хулиганы. Они и сейчас порывались, по их выражению, «надрать задницу этому ботанику», но присутствие рядом с Эрнестом его сестры, весьма успешно выступавшей на школьном чемпионате по борьбе, лишало хулиганов остатков их мужества.

«Ну где же ты, Катя?» – продолжал мотать головой в разные стороны Эрнест, краем глаза тревожно наблюдая за собирающейся группой своих одноклассников.

Парень набрал номер своей сестры на коммуникаторе, но после нескольких гудков услышал лишь лишенный эмоций голос робота:

– Абонент временно недоступен!

Тем временем хулиганы во главе со своим вожаком Богумилом направились к Эрнесту, зловеще потирая костяшки пальцев и недобро ухмыляясь.

Эрнест затравленно огляделся по сторонам. Его единственным преимуществом перед желавшими избить его мальчишками было умение очень быстро бегать. Но чтобы убежать от хулиганов, нужно не только бежать очень быстро, но и ориентироваться на местности, а в этом компоненте преимущество было уже на стороне Богумила и его компании.

– Эрнест! – звонкий женский голос заставил мальчика повернуть голову вправо.

Оттуда ему навстречу спешила лучшая подруга Кати, Жизель Клеман.

Эрнест облегченно выдохнул и помахал девушке рукой. Конечно, Жизель – это не Катя, но лазерный нож, который она всегда носила с собой, отпугнул хулиганов не хуже, чем мускулистые ноги Эрнестовой сестры, великолепно выполнявшие шейный захват.

– Привет, Жизель! – ринулся девушке навстречу Эрнест.

– Приветтики! – улыбнулась ему в ответ Жизель. – Твоя сестра не сможет за тобой зайти, поэтому просила меня забрать тебя из школы!

– А почему Катя не сможет прийти? – сморщил лоб Эрнест.

– Ну-у..., – загадочно протянула Жизель, оглядываясь по сторонам. Затем она наклонилась к уху мальчика и прошептала: – Они с Полом хотят заняться *этим*, пока в вашей квартире никого не будет. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

– Да! – кивнул Эрнест, густо покрасневший не только от мысли, чем будет заниматься Катя, но и от ощущения горячего дыхания ее подруги на своей щеке.

Жизель тут же отстранилась от него, и к Эрнесту после нескольких глубоких вздохов вернулась способность мыслить.

– Постой! – воскликнул он. – Если они заняли нашу квартиру, то куда идти мне?

– Я намеревалась пригласить тебя к себе, – ответила ему Жизель. – Если ты, конечно, захочешь!

– Захочу, захочу! – тут же выпалил подросток.

Остаться наедине со взрослой девушкой в ее квартире – о большем Эрнест и мечтать не мог. Он уже давно являлся тайным воздыхателем Жизель, с тех самых пор, как ему удалось увидеть ее в купальнике, когда они втроем с Катей отдыхали в школьном лагере.

– Тогда, идем! – улыбнулась Жизель и взяла брата своей подруги за руку.

Они шли по заполненным прохожими улицам, но Эрнест не замечал никого вокруг. Он смотрел лишь на Жизель, невпопад отвечал на ее реплики, чем сильно смешил девушку, и приходил все в больший восторг от того, что девушке весело рядом с ним.

Прогулка, которая заняла не меньше получаса, пролетела для Эрнеста на одном дыхании. Он и не заметил, как они добрались до низенького пятиэтажного дома с обшарпанными стенами и отколовшейся местами штукатуркой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.